

ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

© Н.В. Багапш

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В АБХАЗИИ И ПАРАДИГМЫ ЕЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ: ОТ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Ключевые слова: Абхазия, абхазы, мингрелы, самурзаканцы, население Абхазии, этнические процессы, нациестроительство, идентичность, этническая идентичность

В работе исследуются особенности нациестроительства и основные парадигмы институционализации этничности в Абхазии в советский период, оценивается влияние советских практик упорядочения этнических категорий на современный этнокультурный и этнополитический ландшафт страны. Автор рассматривает историю формирования этнической мозаики Абхазии, анализирует внутриабхазские особенности решения общих вопросов раннесоветского нациестроительства, выявляет влияние советского нациестроительства на современную идентичность различных групп населения Абхазии. В работе проводится оценка воздействия этнического смешения на формирование идентичности населения Абхазии, рассматриваются вопросы гражданского нациестроительства и многоуровневости идентичности.

Этническая мозаичность на протяжении всего новейшего периода истории Абхазии являлась одним из важнейших параметров политического развития страны, напрямую влиявших на общие контуры абхазской государственности — начиная от статуса территории и заканчивая особенностями ее внутривнутриполитического развития. Этнодемографический фактор был исключительно важен и находился в фокусе внимания как внутренних, так и внешних по отношению к Абхазии акторов в послереволюционный период, когда в 1918 г. на осколках Российской империи определялось политическое будущее Абхазии. Безусловно, именно особенности этнического состава ее населения способствовали неуклонному понижению политического статуса советской Абхазии в 1920—1930-х годах и определили общий вектор развития грузино-абхазского конфликта в советский период, переросшего после распада

Нури Валериевич Багапш | <http://orcid.org/0000-0002-4799-2380> | nbagapsh@gmail.com | к. геогр. н., доцент кафедры географии | Абхазский государственный университет (ул. Университетская 1, Сухум, 384900, Республика Абхазия) | научный сотрудник | Институт географии РАН (Старомонетный пер. 29, стр. 4, Москва, 119017, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 19-17-00232]

СССР в полномасштабную войну. Наконец, этнодемографический фактор на протяжении последних 28 лет продолжает существенно воздействовать на особенности формирования независимой абхазской государственности.

Институционализация этничности, активно развернувшаяся в Абхазии в ходе советского национал-строительства в 1920–1930-е годы, оказала непосредственное влияние на современные контуры абхазской государственности, поскольку этнодемографическая структура населения Абхазии формировалась в советский период в том числе и за счет окончательной формализации этнической принадлежности гетерогенного населения исторического Самурзакана: в конце 1930-х годов за подавляющим большинством жителей данной территории была юридически закреплена грузинская национальность. Формальная национальная принадлежность некоторых групп населения Абхазии и сегодня не всегда совпадает с их этнической идентичностью, а сама идентичность зачастую оказывается гораздо сложнее институциональных рамок ее декларирования.

Целью данной статьи является анализ особенностей национал-строительства и основных парадигм институционализации этничности в Абхазии в советский период, а также выявление влияния советских практик упорядочения этнических категорий на современный этнокультурный и этнополитический ландшафт страны. Для достижения поставленной цели считаем целесообразным: во-первых, кратко рассмотреть историю формирования этнической мозаики Абхазии; во-вторых, проанализировать внутриабхазские особенности решения общих вопросов раннесоветского национал-строительства; в-третьих, выявить влияние советского национал-строительства на современную идентичность различных групп населения Абхазии.

Формирование этнической мозаики Абхазии

Современный облик населения Абхазии во многом является результатом миграций. До середины XIX в. страна была этнически почти однородной: большую часть жителей составляли абхазы. В прибрежных городских поселениях проживало небольшое число представителей других этносов (преимущественно армян, греков, мингрелов¹ и турок), а в пределах исторического Самурзакана шел процесс мингрельской иммиграции, что впоследствии способствовало ассимиляции основной массы самурзаканских абхазов.

С середины XIX в. в Абхазии начинаются разнонаправленные миграционные процессы. В ходе российской колонизации Западного Кавказа, на завершающем этапе Кавказской войны и в послевоенный период большинство абхазов было депортировано в Османскую империю. В результате так наз. махаджирства практически полностью обезлюдели Западная и Центральная Абхазия, а также горские абхазские общества в верховьях Мзымты, Псоу, Бзыпа и Кодора. Выселению в Турцию подверглось более половины жителей Бзыпской Абхазии и значительная часть населения Абжуйской Абхазии. Незатронутым махаджирством остался только Самурзакан, в тот период политически отделенный от остальной Абхазии и уже подверженный массовой мингрельской иммиграции.

Вслед за махаджирством власти начинают проводить политику демографической колонизации Абхазии представителями этносов, считавшихся царским правительством “благонадежными”. Сюда устремляется поток колонистов из разных уголков Российской империи, а также армян и греков из Турции. Вскоре наиболее активными переселенцами становятся выходцы из соседней Мингрелии. В ходе и по завершении Первой мировой войны в Абхазию прибывает большое количество беженцев-христиан из Турции, в основном амшенские армяне и понтийские греки.

После Октябрьской революции 1917 г. и распада Российской империи территория Абхазии оказывается оккупированной войсками Грузинской Демократической

Республики, власти которой продолжили политику царского правительства в отношении Абхазии, переселяя сюда представителей картвельских народов (прежде всего мингрелов). В период правления Сталина демографическую колонизацию Абхазии проводили уже власти Грузинской ССР, организовав плановое вселение в сельскую местность (прежде всего Гудаутского, Очамчирского и Гагрского районов) от 30 тыс. до 40 тыс. крестьян из западных районов Грузии. Целями этой кампании были попытка ассимиляции абхазского народа и создание подавляющего численного превосходства картвельского населения в Абхазии. В 1949 г. по приказу Берии из Абхазии были выселены греки, лазы, турки, персы и представители ряда других этносов, а до этого депортации подверглись немцы, компактно проживавшие в нескольких селах Сухумского р-на.

В советский период в Абхазии, привлекательную с точки зрения экономико-географического положения, устремляется поток переселенцев из многих регионов СССР. Все это способствовало, с одной стороны, созданию уникальной этнической мозаики в пределах небольшой по территории республики, с другой – неуклонному снижению удельного веса коренного населения. На момент распада СССР абхазы составляли только 17,8% населения Абхазской АССР, тогда как картвелы – 45,7%; русские и украинцы – 16,5; армяне – 14,6; греки – 2,8; представители прочих этносов – 2,6% (Населенные пункты 1991: 14).

Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. внесла кардинальные изменения в этническую структуру населения, полностью перекроив сложившуюся к началу 90-х годов XX в. этническую карту страны. Одним из ключевых демографических последствий войны явилось то, что большая часть картвельской общины Абхазии, сформировавшейся за последние полтора столетия путем постоянной миграции преимущественно из районов Западной Грузии, бежала в Грузию, а также в Россию и ряд других государств вместе с отступавшими грузинскими войсками. Исключением составили жители исторического Самурзакана, в основном вернувшиеся в Абхазию к началу XXI в. В ходе войны и после ее окончания республику покинула значительная часть русских, украинцев, греков, евреев, эстонцев и представителей других общин (отток евреев и греков из Абхазии начался еще в советское время). В несколько меньшей степени процесс послевоенной эмиграции затронул слабо урбанизированную армянскую общину и – частично – абхазов. В результате произошедших изменений абхазы впервые за долгое время вновь стали большинством населения страны.

От Южной Осетии и Нагорного Карабаха (частично признанных и непризнанных республик Закавказья) Абхазию отличает отсутствие у титульного этноса государственных образований за ее пределами. Для Абхазии характерна отчетливо выраженная мозаичность этнической структуры населения. Последняя особенность, как нам представляется, является прямым следствием географического положения страны. И если бы не исторический бэкграунд этнодемографических трансформаций досоветского периода, полиэтничность советской и постсоветской Абхазии могла бы быть охарактеризована как яркое проявление географического детерминизма. Любопытно, что, несмотря на резкое изменение долей абхазов и грузин в населении страны после войны 1992–1993 гг., совокупный удельный вес всех остальных этнических групп остается вполне соизмеримым с довоенными показателями: в 1989 г. они составляли 36,6% населения, в 2011 г. – 29,9% (Итоги 2012: 86–89).

Институционализация этничности в Абхазии в процессе советского нацистроительства

Парадигмы нацистроительства в Грузинской ССР и их реализация в Абхазии. Каким образом происходило упорядочение этнических категорий в раннесоветской Абхазии? С какими локальными трудностями приходилось сталкиваться в ходе

нациестроительства в этой части советского государства? Как были разрешены возникшие проблемы?

Советское нациестроительство имело дореволюционную предысторию. Этничность в Российской империи в конце XIX – начале XX в. уже обладала достаточно высоким уровнем институциональной упорядоченности. Более того, именно этнической логикой могут быть объяснены некоторые административно-территориальные преобразования в последние годы существования империи. В 1912 г. из состава Царства Польского была выведена вновь созданная этнически “русская” Холмская губерния, в ходе конструирования территории которой не брался в расчет религиозный фактор (*Верняев* 2018: 103–104). Схожие по логике реформы затронули в начале XX в. и Абхазию: Сухумский округ, входивший с 1883 г. в этнически преимущественно картвельскую Кутаисскую губернию, в 1903 г. был выведен из ее состава и стал самостоятельной административно-территориальной единицей Российской империи.

На раннем этапе советского нациестроительства в качестве самостоятельных национальностей было выделено значительное количество этнических общностей, в т.ч. и малочисленных (это относилось к этническим меньшинствам союзных и некоторых автономных республик), – но в дальнейшем по мере укрепления сталинского режима эта “вольница” была свернута.

В 1920–1930-е годы в Грузинской ССР, на наш взгляд, кристаллизуются *две парадигмы нациестроительства*, прямо вытекающие из общесоюзных установок и отличные друг от друга лишь уровнем гомогенизации этнического ландшафта союзной республики и временем их внедрения.

Суть *первой парадигмы* сводится к административной консолидации южнокавказского (картвельского) этноязыкового континуума в рамках создания грузинской социалистической нации. Если говорить конкретно об Абхазии, эта парадигма реализовывалась путем включения в состав грузинской нации как мингрелов (составлявших большую часть картвельского населения республики), сванов и лазов, так и уже сильно “мингрелизированных” самурзаканских абхазов. Совокупно предпринимаемые шаги способствовали созданию, во-первых, формально единой грузинской этнической массы в Абхазии, а во-вторых, механическому уменьшению численности абхазского и увеличению численности грузинского населения. (С позиции последующего, вырванного из создавшихся условий грузино-абхазского этнополитического конфликта эти действия потенциально несли в себе отчетливые последствия для обеих сторон: негативные для абхазской и позитивные для грузинской.) Каждый из этих двух локальных сюжетов, сопровождавших реализацию первой парадигмы, будет рассмотрен ниже отдельно.

Вторая парадигма нациестроительства в Грузинской ССР хронологически относится к концу 1930-х – началу 1950-х годов, т.е. ко времени полного утверждения сталинско-бериевского режима в республике. Суть этой модели заключалась в поэтапной ассимиляции титульных групп автономных образований: во включении (не только политическом, но и этнокультурном) абхазов и южных осетин в состав грузинской этнонации. На фоне десталинизации середины 1950-х годов в Абхазии отмечалось существенное свертывание этой политики и фактически произошло возвращение к первой парадигме нациестроительства.

Кто есть абхаз? Самурзаканская проблема. Одна из главных сложностей в процессе раннесоветского нациестроительства в Абхазии в рамках реализации первой парадигмы заключалась в четкой национальной категоризации этнически смешанного населения Самурзаканского (Гальского) уезда.

После инкорпорации Кодорско-Ингурского междуречья в состав Абхазского княжества (по результатам абхазо-мингрельских войн конца XVII в.) на крайнем востоке Абхазии, в пределах феодального владения в междуречье Аалдзги и Ингура,

получившего наименование Самурзакан (по имени местного удельного князя Мурзакана Чачбы), начинает формироваться отдельная этнографическая группа абхазов — *самурзаканцы*. Формирование в реинтегрированных районах новых этнографических групп абхазов вполне закономерно, поскольку деление абхазского этноса на локальные этнотерриториальные единицы к тому времени уже имело место и являлось в определенной степени отражением слабой централизации страны, а также наличия в пределах этнической Абхазии независимых и полунезависимых обществ.

Этнической основой для формирования самурзаканцев послужили выходцы из Бзыпской Абхазии, садзы, убыхи и черкесы (*Хашба* 1972: 124), а также оставшееся здесь немногочисленное мингрельское население, уже с XVIII в. постоянно пополнявшееся новыми выходцами из Мингрелии, которые до определенного периода сами ассимилировались в абхазской среде, но впоследствии все более стали способствовать мингрелизации самурзаканцев. Генезис последних происходил в пределах Абхазского княжества, чья система общественно-политических отношений определяла наличие сильных локальных идентичностей, примером которых являются как самурзаканцы, так и абжуйцы, бзыпцы, гумцы, цабальцы и др.

Пограничное положение Самурзакана и — главное — его политическое отторжение от Абхазского княжества способствовали более активной инфильтрации мингрельского населения на данную территорию в XIX в. В 1832 г. Самурзакан был захвачен Мингрельским княжеством, в 1840 г. русская администрация на Кавказе образовала здесь отдельное Самурзаканское приставство, а в 1857 г. это приставство было официально присоединено к Мингрелии, где к тому времени уже была установлена прямая русская власть (*Лакоба* 1990: 31). В результате миграционных процессов к концу XIX в. в Самурзакане началась активная миксация двух этнических страт населения — абхазской и мингрельской. При этом разные части Самурзакана, по всей вероятности, характеризовались различным удельным весом этих двух страт, что иллюстрируют отличия в языковой ситуации. Особенно сильным мингрельское влияние было в пограничных с Мингрелией самурзаканских селах. Ослабление позиций абхазского и укрепление позиций мингрельского языка с северо-запада на юго-восток Самурзакана отмечается исследователями конца XIX — начала XX в. (*Шухардт* 1899: 25; *Цагарели* 1880: 7).

Этническая миксация населения в Самурзакане, по всей видимости, была одной из причин, по которой царская администрация в конце XIX в. выделяет самурзаканцев в качестве самостоятельной народности, фигурирующей в статистических сведениях и иных официальных документах отдельно как от абхазов, так и от мингрелов. Впоследствии эта сконструированная этническая категория была воспринята по крайней мере частью населения Самурзакана и послужила основой формирования квазиэтнической идентичности (*Соловьёва* 2010: 31–32). После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на большинство оставшихся на родине абхазов Гудаутского и Кодорского участков была наложена “виновность” якобы за пособничество туркам, что, вероятно, явилось для населения Самурзакана дополнительным стимулом идентифицировать себя именно как самурзаканцев, отделяя себя таким образом от “виновных” абхазов.

Так, по данным посемейной переписи населения Закавказья 1886 г., в Сухумском округе проживало 68 773 человека, в том числе 28 323 абхаза, 30 640 самурзаканцев, 3558 мингрелов, 608 грузин, имеретин и гурийцев, а также 5644 представителя прочих народов (Свод 1893). Однако в источнике также представлены дополнительные сводные таблицы, где отсутствует графа “самурзаканцы”, а число абхазов в Кутаисской губернии составляет 60 432 человека, т.е. равно суммарной численности абхазов и самурзаканцев в пределах губернии (Там же). Этот факт говорит о том, что представители российской администрации, несмотря на выделение самурзаканцев в качестве

отдельной этностатистической единицы, все же склонялись к тому, что последние являлись абхазами или, по крайней мере, были “ближе к абхазам”.

В 1897 г. на территории Сухумского округа проживало 106 179 человек, в том числе 58 697 с родным языком абхазским, 23 810 — с мингрельским, 1971 — с грузинским (включая имеретинское наречие), 92 — со сванским (Первая Всеобщая 1905: 88–93). За 11 лет с момента проведения посемейной переписи 1886 г. число абхазов (если считать без самурзаканцев) увеличилось более чем в два раза. Такой рост численности не мог быть достигнут путем естественного прироста. Пополнения абхазского населения за счет миграции в указанный период также не было — часть махаджиров действительно возвратилась в Абхазию, но большинство вернулось еще до 1886 г. (*Дзидзария* 1982: 381–406). Между тем число абхазоязычных жителей Сухумского округа, по данным переписи 1897 г., в полной мере сопоставимо с общей численностью абхазов и самурзаканцев, зафиксированной переписью 1886 г. Таким образом, очевидно, что подавляющее большинство жителей Самурзакана указало в 1897 г. абхазский своим родным языком. Эти данные, даже если предположить, что они не отражают реальную языковую ситуацию в регионе в самом конце XIX в., ясно указывают на преимущественно абхазскую языковую *самоидентификацию* самурзаканцев (поскольку зафиксировать этническую принадлежность напрямую в тех условиях было невозможно). Амбивалентность этнической идентичности жителей Самурзакана на фоне продолжающейся и углубляющейся ассимиляции абхазского элемента мингрельским являлась одним из инструментов воздействия властей независимой Грузии на абхазскую политическую элиту в 1918–1921 гг. (*Новиков* 2020: 61–62).

Каким образом была разрешена самурзаканская коллизия в процессе раннесоветского национально-государственного строительства? Первая Всесоюзная перепись населения 1926 г. в этноязыковом срезе являлась, пожалуй, самой детально проработанной из советских переписей. В ходе ее проведения населению Гальского уезда, по всей вероятности, была предоставлена относительная свобода выбора в вопросе этнической принадлежности и родного языка. Относительность этой свободы заключалась в невозможности (по крайней мере, на уровне окончательных итогов переписи) фиксации принадлежности к самурзаканцам, если допустить, что среди части жителей региона этот вариант этнотерриториальной идентичности еще сохранялся в качестве приоритетного. Из 50 086 жителей уезда абхазами записались 25,9%; мингрелами — 38,0; грузинами — 35,4; представителями других народов — 0,7%. Распределение населения по родным языкам выглядело совершенно иначе: только 10,6% жителей Гальского уезда признали в качестве родного абхазский язык, тогда как 87,7 — мингрельский и 1,1% — грузинский (Всесоюзная перепись [раздел ССРГ] 1929: 100–101). Очевидно, что языковая ассимиляция абхазского элемента в Самурзакане сильно опережала этническую, как это обычно и бывает. Абхазский лингвист А.К. Хашба, посетивший Гальский уезд в 1928 г., отмечал: “Мегрелизация самурзаканских абхазов идет таким темпом, что, вероятно, лет через десять-пятнадцать в Самурзакане не будет абхазского языка. Дети самурзаканских абхазов, кроме ничтожного процента, говорят на мегрельском языке” (*Хашба* 1972: 123).

В 1930-е годы далеко зашедшая ассимиляция самурзаканских абхазов была практически полностью завершена административным путем в ходе политики многоплановой грузинизации Абхазии, проводившейся в сталинский период. По данным переписи 1939 г., абхазы составляли только 3,6% населения Гальского р-на, тогда как грузины — 89,6% (РГАЭ). У сильно ассимилированного в культурно-языковом плане, но еще частично сохранявшего этническую идентичность абхазского населения Самурзакана в условиях сталинского режима не оставалось иного выбора, как смириться с грузинизацией, проводимой органами власти.

Несколько иначе проходили этнодемографические процессы в той части бывшего Гальского уезда, которая в ходе административной реформы 1930 г. была передана

в состав Кодорского (с 1933 г. — Очамчирского) р-на. В селах Агубедиа, Первая Бедиа, Река и Чхуартал продолжали функционировать абхазские школы, а жители не были лишены права фиксировать абхазскую национальность в документах. В 1939 г. Чхуартал был возвращен в состав Гальского р-на, обучение в местной абхазской школе было переведено на грузинский язык, а большинство населения подвергнуто административной грузинизации. В селах Агубедиа, Первая Бедиа и Река и в настоящее время сохраняется абхазская идентичность и частично абхазский язык. Почти все жители двух последних сел являются активными абхазо-мингрело-русскими трилингвами.

Кто есть грузин? Мингрельская проблема. Данный вопрос следует рассматривать в масштабах всей ССР Грузия, в состав которой в 1921 г. на договорных началах вошла ССР Абхазия.

Сталин еще до революции был сторонником включения миноритарных этносов, говоривших на языках южнокавказской/картвельской семьи (мингрелов, сванов и лазов), в состав грузинской нации. Для грузинских политических и культурных элит различных генераций этот вопрос не стоял в принципе: все эти народы однозначно рассматривались ими в качестве этнографических групп, в лучшем случае субэтносов в составе грузин. В 1920-е годы между московскими и ленинградскими этнографами, с одной стороны, и грузинской партийной и государственной бюрократией, с другой, разгорелась настоящая борьба по вопросу национальной категоризации миноритарных народов Грузии. Тифлисские власти в итоге вышли победителями, чему способствовали помощь солидарного с ними Сталина и общесоюзные установки (отвечавшие теоретическим представлениям вождя) на построение укрупненных этнонаций в пределах союзных и некоторых автономных (в составе РСФСР) республик. В ходе подготовки к переписи 1926 г. грузинское руководство оказывало сопротивление выделению мингрелов, сванов, лазов, аджарцев и бацбийцев в качестве отдельно фиксируемых групп (Hirsch 2005: 132–133).

Перепись населения 1926 г. — единственная из общесоюзных переписей, выделившая мингрелов, сванов и лазов в качестве отдельных этнических единиц. Однако в итоговых материалах переписи под влиянием руководства Грузии эти группы учтены не как самостоятельные народы (хотя их численность была приведена), а как субэтносы в составе грузин (Blauvelt 2014: 997).

Перепись 1926 г. свидетельствует о том, что часть мингрелоязычного населения уже тогда записалась грузинами (мингрелоязычных абхазов в данном случае оставим за скобками). С чем это было связано? С процессом ассимиляции или с действиями заинтересованных переписчиков? Стоит отметить, что подобная тенденция наблюдалась и в Азербайджане, где численность некоторых коренных этнических меньшинств по итогам переписи 1926 г. была существенно ниже числа людей, указавших соответствующие языки в качестве родных (Всесоюзная перепись [раздел Азербайджанская ССР] 1929: 23). Эти параллели между Грузией и Азербайджаном с учетом определенной схожести схем проведения национальной гомогенизации в обеих союзных республиках наталкивают на мысль об активном вмешательстве местных властей в процесс проведения переписи.

При анализе данных переписи 1926 г. обнаруживаются определенные территориальные различия в соотношении мингрелов и мингрелоязычных. Подобное сопоставление представляется нам оправданным, поскольку фиксация родного языка в ходе переписи, по всей вероятности, была достаточно точной. По крайней мере, данные по родному языку четко коррелируют с социолингвистическими данными, представленными в научной литературе. Согласно информации Центрального статистического управления, в 1926 г. в Абхазии проживало 40 989 жителей, записавшихся этническими мингрелами, а общее число представителей южнокавказских (картвельских) народов, указавших мингрельский в качестве родного языка, составило 57 650 человек. Очевидно, что абсолютное большинство из них де-факто были

этническими мингрелами. В самой Мингрелии ситуация выглядела совсем иначе: общая численность этнических мингрелов в Зугдидском и Сенакском уездах составила 200 593 человека, а число указавших мингрельский в качестве родного языка — 216 854 человека (Всесоюзная перепись [раздел ССРГ] 1929: 30–33). Таким образом, разница между количеством мингрелоязычных и количеством самоопределившихся как мингрелы в Абхазии составила 16 661 человек, а в Мингрелии — 16 261 человек. Численность мингрелоязычных (без мингрелоязычных абхазов) в Абхазии оказалась на 40,6% выше численности отнесших себя к мингрелам, тогда как в самой Мингрелии — лишь на 8,1%.

Чем объяснить подобные различия? Вряд ли переписчики в Абхазии могли быть заинтересованы в записи мингрелов грузинами больше, чем в самой Мингрелии. Возможно ли, что в гомогенной этнической среде Мингрелии коренное население было более склонно к мингрельской идентичности, чем в полиэтнической Абхазии? Это представляется вполне вероятным, однако итоги переписи 1926 г. свидетельствуют о том, что тенденция фиксации грузинской идентичности наиболее отчетливо проявилась в Гальском уезде, где в 1920-е годы не было объективных социокультурных предпосылок к этому.

Наличие мингрельской идентичности и мингрельского языка, по всей видимости, представляло наибольшую (после Абхазии) проблему для проекта национальной гомогенизации Грузии. В отличие от сванов и лазов, мингрелы были многочисленны, а часть их элиты претендовала на создание политической автономии. Мингрельская проблема была окончательно разрешена в конце 1930-х годов, когда мингрельский этнос полностью административно был включен в состав грузинской социалистической нации. То же самое произошло со сванами, лазами, аджарцами и бацбийцами.

Советские переписи населения, проводившиеся с конца 1930-х годов, не фиксировали людей, владеющих мингрельским, лазским и сванским языками, — все они включались в категорию “грузинский”, что предусматривалось механизмом обработки первичных данных. Это делалось вопреки консолидированному мнению мировой и советской лингвистики, указывающему на наличие четырех (реже — трех) самостоятельных южнокавказских языков (см., напр.: *Harris* 1991; *Алексеев* 1998: 14). При этом мингрельский, лазский и сванский языки в советских академических изданиях, вышедших после 1930-х годов, объявлялись бесписьменными (см.: *Климов* 1973: 464), несмотря на то что каждый из них имел определенную письменную традицию, а на мингрельском языке — как в самой Мингрелии, так и в Самурзакане — до конца 1930-х годов существовала достаточно развитая периодическая печать (*Фойерштайн* 2017: 469–475) и нарождавшаяся художественная литература (*Дондуа* 1934: 76–77).

Мингрельское и сванское население к концу советского периода в целом адаптировалось к институциональным рамкам, в которых оно могло декларировать свою этническую и языковую идентичность. Инерция этих ограничений (вкуче с сохраняющейся ориентированностью на политико-идеологические установки Тбилиси) оказалась настолько сильной, что уже в сегодняшней Абхазии, в изменившихся политических реалиях, когда государство предоставило населению возможность свободно заявлять о своей этнической принадлежности, большинство мингрелов в ходе переписи 2011 г. не только самоопределилось как грузины, но и указало грузинский в качестве родного языка (Итоги 2012: 86–89). Последнее не стыкуется с реальной языковой ситуацией в Самурзакане, где и сконцентрирована основная масса мингрельского населения Абхазии.

Существовать ли абхазам? Реализация второй парадигмы нациестроительства. С конца 1930-х годов практически по всему СССР начала проводиться линия на этнокультурную консолидацию этноязыковых и этноконфессиональных меньшинств с доминантными группами союзных (а в РСФСР и автономных) республик посредством институционально закрепленных механизмов ассимиляции. При этом

очевидно, что союзные республики, имевшие в своем составе коренные или компактно расселенные меньшинства, получили значительную свободу в выборе форм и методов проведения политики национальной гомогенизации.

Политика Тбилиси по ассимиляции абхазского этноса в 1930–1950-е годы не только вписывалась в общие контуры национальной политики советского государства и полностью соответствовала установкам грузинского национализма предшествующего периода, но и отвечала ранним теоретическим представлениям Сталина по национальному вопросу, изложенным в работе 1913 г. “Марксизм и национальный вопрос” (Сталин 1954: 349–351). В Абхазии эта политика включала множество компонентов: свехрепрессии в отношении абхазов в период Большого террора (Юнге, Бонвеч 2015: 244–267); демографическую колонизацию, осуществлявшуюся путем планового переселения грузинских крестьян в Абхазию (см.: Багапш 2018); увеличенный призыв абхазов в период Великой Отечественной войны и направление их преимущественно в пехотные войска (см.: Пачулия 2015: 16–18); перевод абхазского алфавита на грузинскую графическую основу и последующее введение в абхазских школах обучения на грузинском языке, т.е. фактическую ликвидацию абхазских школ; грузинизацию топонимики; этнически избирательную кадровую политику; планы по депортации абхазов (Геллер, Некрич 1982: 92) и ряд др.

Несмотря на то что абхазы, в отличие от мингрелов и сванов, так и не были официально инкорпорированы в состав грузинской нации, по всей вероятности, к началу 1950-х годов такой сигнал сверху был дан. На закате сталинской эпохи в ряде публикаций появляются недвусмысленные указания на то, что абхазов следует рассматривать как этнических грузин, причем доходит до того, что абхазский язык объявляется одним из картвельских языков (Делба 1951: 9; Лежава 1997: 123–124; Смирнова 1951: 205). На страницах номеров газеты “Советская Абхазия”, вышедших в 1950 г., нам не удалось обнаружить ни одного случая употребления словосочетания “абхазский народ”, в то же время неоднократно встречается формулировка “трудящиеся Абхазии, как и весь грузинский народ...”.

Идентичность в современной Абхазии

Углубление институционализации этничности. Абхазия – одно из немногих государств в пространстве бывшего СССР, где советская система институционализации этничности не была отвергнута, более того, она подверглась дальнейшему укреплению и упорядочению. Основная причина тому – этнодемографический фон возникновения современной абхазской государственности. То обстоятельство, что доля абхазов в общем населении автономной республики в последние годы существования СССР была чрезвычайно низкой, значительно осложняло потенциальную успешность реализации абхазского национально-государственного проекта не только в советский период, но и в постсоветский, когда на начальном этапе грузино-абхазской войны зона военного контроля абхазской стороны фактически повторяла очертания ареалов компактного расселения абхазов.

Повышенное внимание к этнодемографическому балансу объяснялось опасениями потерять рычаги управления страной на фоне неблагоприятной для абхазского этноса геополитической ситуации в 1990-е годы, что, в свою очередь, способствовало дальнейшей институционализации этничности. Национальность как одна из значимых характеристик гражданина не только сохранилась во внутренних паспортах, свидетельствах о рождении и других официальных документах, но и была перенесена в сферу законодательства. Так, в единственной статье Конституции Абхазии, ограничивающей по этническому принципу возможность занятия государственной должности (ст. 49), говорится: “Президентом Республики Абхазия избирается лицо абхазской национальности, гражданин Республики Абхазия, не моложе 35 и не

старше 65 лет, обладающий избирательным правом” (*Чирикба* 2015: 160). Этническая принадлежность также фигурирует в законе “О гражданстве Республики Абхазия”, согласно ст. 5 которого “гражданами Республики Абхазия являются: а) лица абхазской национальности (абаза) независимо от их места проживания и наличия у них гражданства иностранного государства за исключением лиц, которые антиконституционными методами выступают за изменение суверенного статуса Республики Абхазия...” (Закон б.г.).

Таким образом, *первая парадигма* советского нацистроительства в Грузинской ССР, реализовывавшаяся в Абхазии в 1920-х – первой половине 1930-х годов, а также начиная с середины 1950-х годов и вплоть до распада СССР, стала фундаментом современного абхазского нацистроительства. В последние десятилетия в нее были внесены лишь минимальные изменения.

При институционализации этничности в современной Абхазии возникла проблема соотношения этнической идентичности отдельных людей и/или групп с официально закрепленной в их документах национальностью. Примордиалистский принцип советского нацистроительства с его стройной системой этностатистических категорий, взятый на вооружение независимой Абхазией, во многом законсервировал национальную принадлежность. Система не смогла адаптироваться под не вписывающиеся в нее особенности этнической идентичности отдельных людей, также как не смогла учесть сложность и многоуровневость идентичности. В частности, значительная часть населения Гальского р-на (в границах до 1994 г.), желающая отразить свою мингрельскую идентичность в официальных документах (что подтверждается данными переписи 2011 г.), такой возможности практически не имеет.

В 2015 г. нами было проведено анкетирование и интервьюирование респондентов с целью изучения современной этнодемографической ситуации в абхазской столице. В ходе интервьюирования женщины, указавшей в анкете национальность “грузинка”, раскрылся сложный комплекс этнических процессов в Самурзакане, за большей частью населения которого до сих пор институционально закреплена грузинская национальность. Женщина родилась в Гале, а большую часть сознательной жизни прожила в Сухуме. Как выяснилось, она указала в анкете грузинскую национальность лишь потому, что так зафиксировано в паспорте. Во время повторного интервью, проходившего несколькими месяцами позже, женщина указала мингрельскую национальность, что, судя по всему, и соответствует ее реальному этническому самосознанию. В то же время оказалось, что все четыре ее прародителя имеют абхазское происхождение, а единственным языком, которым она в настоящее время полноценно владеет, является русский (*Баганш* 2017: 232–233).

Этническое смешение и идентичность. В Абхазии, которая на протяжении более чем 150 лет является страной полиэтничной, в последние 60–70 лет достаточно активно росли показатели межэтнической брачности, что предопределяло появление этнически смешанного потомства. Результаты наших исследований свидетельствуют о том, что около четверти населения Сухума и Гудауты – это потомство от смешанных браков либо в первом, либо во втором поколении (*Баганш* 2017: 157–187; 2019: 277–316).

Институционально закрепленная в советское время поляризация сообщества (автономной республики) по этническому принципу предопределила и столь резкую политическую поляризацию абхазской и грузинской общин республики. Так как часть жителей Абхазии имела смешанное абхазо-грузинское происхождение и этнокультурная самоидентификация многих из них далеко не всегда была однозначной, с началом активной фазы конфликта этой группе населения пришлось четко определиться со своей этнокультурной принадлежностью и вытекающей из нее политической лояльностью. Логично, что подавляющее большинство оставшихся в Абхазии людей, чьими отцами являлись грузины, а матерями абхазки, сделало выбор в пользу абхазской

идентичности. Парадоксально, однако, что подобный ментальный выбор далеко не всегда сопровождался формальной сменой документально зафиксированной национальности. По всей вероятности, определенные сложности в ряде случаев были связаны и с бюрократическими препонами. В.А. Тишков отмечает: “Примеров ситуации вынужденной (предписанной) этнической идентичности любой исследователь на территории бывшего СССР не тысячи, а миллионы. И даже не нужны газетные примеры, достаточно посмотреть вокруг несколько иным взглядом” (Тишков 2003: 111).

Советская система “этнизации” общества, разделенного на априори заданные, исторически предопределенные и четко регламентированные этнические группы, принадлежность к которым определялась соответствующей фиксацией “национальности” в документах и практически не могла быть изменена, не предполагала возможности декларирования множественной этнической идентичности. В смешанных семьях национальность ребенка в условиях маскулинной культуры Кавказа определялась почти исключительно по отцу, хотя реальное этнокультурное состояние человека могло не соответствовать документально зафиксированному. Отдельные обратные примеры были научно задокументированы в гомогенной этнической среде в сельской местности Очамчирского р-на в последние десятилетия советской эпохи (Бигвава 1983: 63). Детальное описание этнического состояния и самосознания людей, родившихся в смешанных грузино-абхазских семьях в с. Лдзаа, дает Р.Ш. Кузнецова (Кузнецова 2013: 103).

Многоуровневость идентичности и гражданское националстроительство. Так как Абхазию отличает полиэтничная структура населения, для большинства жителей страны в той или иной степени характерна многоуровневая идентичность, где ее отдельные пласты — этнический, культурно-географический (старые горожане/селяне/новые горожане), политический — существуют и самостоятельно, и в различных сочетаниях, наслаиваясь друг на друга.

Например, культурно-географический пласт проявляется наличием внутри Абхазии локальных надэтнических “городских” идентичностей, из которых наиболее полно сформирована сухумская. Полноценно оформившись во второй половине XX в., она являлась одним из приоритетных уровней идентичности для большинства сухумчан в советское время, отличая горожан разных национальностей от своих этнических сородичей, проживавших за пределами столицы Абхазии. После войны 1992—1993 гг., когда город покинула большая часть неабхазского населения, в Сухуме пришли во взаимодействие две культурные страты абхазского этноса. Первая — местные довоенные жители, “старые сухумчане”, носители сухумской идентичности, во многом встроенные в систему поликультурного советского русскоязычного города и являвшиеся его органичной частью; вторая — выходцы из абхазского села, в гораздо большей степени сохранившие естественные этнокультурные характеристики. Граница между этими группами населения столицы до настоящего времени окончательно не стерта. Сухум, начавший формироваться на рубеже XIX—XX вв. как поликультурный городской центр на периферии Российской империи, во многом воспроизвел модель этнокультурного развития ряда других российских городов, находившихся в сходных условиях и отличавшихся широким этническим спектром населения. В частности, причерноморские Одесса и Батум, а также промышленный Баку в целом имели сходный вектор этнодемографического развития. Он определялся прибрежным и приграничным положением, вызвавшим активную инфильтрацию как русского, местного и прочего “инородческого” населения России, так и уроженцев иностранных государств. Поэтому типологически сухумская идентичность достаточно схожа с одесской и бакинской. Схожие, но несколько менее выраженные городские идентичности сформировались и в других городах Абхазии: Гагре, Гудауте, Ткуарчале, Очамчире. Городская идентичность существует параллельно с этнической и,

насколько можно судить, характерна далеко не для всех жителей конкретного населенного пункта, а преимущественно для местных уроженцев, горожан как минимум во втором поколении.

После окончания войны 1992–1993 гг. приоритетной для жителей Абхазии была этническая идентичность, что связано как с самим характером вооруженного противостояния (оно явилось кульминацией этнополитического конфликта), так и с тем, что в рамках СССР у населения Абхазии практически отсутствовали предпосылки к осознанию себя гражданами Абхазской АССР, т.е. к появлению региональной (низовой) формы гражданской идентичности. В последние десятилетия у населения Абхазии наблюдается тенденция к ее формированию, особенно среди молодого поколения, социализация которого проходила уже в независимой Абхазии. Формирование общегражданской идентичности не приводит к нивелированию этнической идентичности, которая по-прежнему остается приоритетной для большинства жителей страны. Многие молодые люди в Абхазии — как абхазы, так и армяне, и представители других этнических групп — имеют только абхазское гражданство. Массовая выдача российского гражданства жителям Абхазии началась в самом начале 2000-х годов со сменой высшего политического руководства в России и с окончанием политики экономической блокады Абхазии, проводившейся в 1990-е годы странами СНГ, включая РФ. После признания Россией независимости Абхазии в 2008 г. автоматическая выдача российского гражданства ее жителям прекратилась.

Процесс формирования гражданской идентичности протекает в разных районах Абхазии и у разных этнических групп неодинаково. Для этнических абхазов в целом характерна прочная корреляция между этническим и гражданским/политическим пластами идентичности: быть абхазами и при этом гражданами Абхазии (вместе с согражданами иной этнической принадлежности) — неразрывно связанные вещи. У русской общины страны гражданская идентичность в значительной степени раздвоена. Будучи преимущественно уроженцами и гражданами Абхазии, они ощущают себя частью народа Абхазии, но сохраняют внутреннюю политико-культурную связь с Россией. И хотя гражданами РФ являются и большинство других граждан Абхазии, однако именно у русской общины эта раздвоенность, как представляется, проявляется наиболее отчетливо. У армянской общины гражданская идентичность имеет еще более замысловатые контуры, на ее формирование также накладывается связь с этнической родиной. Самым сложным для анализа представляется вопрос формирования гражданской идентичности мингрельского населения Восточной Абхазии. Начиная с конца 2000-х годов большая часть жителей Гальского р-на (в старых границах) получила абхазское гражданство. При этом в ходе паспортизации фактически не проверялось наличие у них грузинского гражданства, что привело к коллизии: согласно закону о гражданстве, иметь одновременно с абхазским какое-либо иное гражданство, кроме российского, могут только этнические абхазы. В связи с этим в середине 2010-х годов большая часть населения Гальского р-на (в старых границах) была лишена абхазского гражданства, поскольку не отказалась от грузинского. Вместо абхазского паспорта они получили вид на жительство, сохраняющий многие (в т.ч. имущественные) права, но исключающий участие в политической жизни. Политическая лояльность враждебному государству, подразумеваемая наличием грузинского гражданства, сильно затрудняет процесс формирования абхазской гражданской идентичности в этом регионе. Вопрос, каким образом абхазское государство будет решать эту проблему, остается открытым. Вместе с тем часть населения Гальского р-на (в старых границах) имеет абхазское гражданство и включена в процесс гражданского нацистроительства.

Региональные различия в формировании гражданской идентичности проявляются в том, что у населения Сухума и большинства других городских центров Абхазии имеется более весомый бэкграунд полиэтнического общежития, чем у сельского

населения республики — несмотря на пестрый этнический состав, большинство сел были и остаются достаточно этнически гомогенными. В советское время в городах Абхазии шло формирование поликультурной общности людей, своеобразного “советского народа” в миниатюре. Стержнем этой надэтнической интеграции в Сухуме и городах Западной Абхазии служил русский язык, который был здесь не только языком межкультурной коммуникации, но и родным (а иногда и единственным) для многих горожан нерусской национальности. В настоящее время этот задел оказывает серьезное влияние на процесс построения абхазской гражданской идентичности. В то же время в сельской моноэтнической периферии (как абхазской, так и армянской или мингрельской) этот процесс протекает не так активно, несмотря на усилившуюся в последние десятилетия связь города с селом: растет маятниковая миграция, все более активно распространяются городские формы и условия жизни в пригородных и находящихся близ центральной трассы селениях — все это оказывает серьезное воздействие на социокультурную ситуацию в сельской местности.

К успехам современного абхазского нацистроительства можно отнести тот факт, что стране, выдержавшей испытания войной, послевоенной экономической блокадой и — как следствие — экономическим упадком, тем не менее удалось сохранить сформировавшуюся в постмахаджирский период полиэтническую структуру населения. Подобного не наблюдалось в других странах со схожей политической судьбой, в том числе в пределах Кавказского региона. Это позволило перейти к построению гражданской нации. Однако ее контуры все еще достаточно аморфны, и степень включенности различных этнических групп в ее построение неодинакова. Процесс формирования гражданской идентичности, насколько можно судить, в большей степени идет снизу, а не сверху. Существует проблема интеграции мингрелов Восточной Абхазии в общеабхазское политическое и культурное пространство, осложняющаяся наличием грузинского гражданства у большинства из них. События последних десятилетий показывают, что у государства по-прежнему нет четко выстроенной политики в отношении данного региона: сменяющие друг друга в ходе выборов руководящие элиты зачастую предпринимают диаметрально противоположные действия в решении “гальского вопроса”.

Фантомная идентичность. Для значительной части населения Абхазии среднего и старшего возрастов характерно наличие фантомной идентичности: ощущение принадлежности к исчезнувшей политической супернации — советскому народу, осознание себя советскими людьми.

Фантомная идентичность обнаруживается в той или иной степени у всех этнических групп страны. У абхазов ее проявления несколько сглажены ввиду наличия этнополитического проекта, успешной реализации которого предшествовали десятилетия национально-освободительной борьбы и кровопролитная война. В наибольшей степени фантомная советская идентичность проявляется у русской и армянской общин. У первых это связано с потерей психологически значимой роли как де-факто государствообразующего этноса бывшего СССР (ситуация усугубляется тем, что русская община Абхазии оказалась и за границами самой России). У вторых сопряжено с отдаленностью этнической родины и сложностью принятия своего нового положения как этнического меньшинства в маленьком частично признанном государстве. У представителей мингрельской общины проявление фантомной советской идентичности сглаживается влиянием политико-идеологических установок Тбилиси.

Одним из очевидных маркеров наличия фантомной идентичности у широких слоев населения Абхазии является невосприятие на бытовом уровне России и большинства других постсоветских государств в качестве заграницы. Само слово “заграница” в обыденной речи представителей средней и старшей возрастных групп, как правило, охватывает пространство за пределами бывшего СССР, а не Абхазии.

Прочность позиций фантомной идентичности, в том числе и у этнических абхазов, связана с тем, что советский период истории страны, несмотря на все негативные процессы и явления (особенно сталинского времени), открыл малочисленному абхазскому народу такие существенные перспективы этнополитического и культурного развития, которые сложно было бы представить при иной форме внешнего политического управления Абхазией. Активное нациестроительство, распространение всеобщей грамотности, широкий доступ к высшему и поствузовскому образованию, формирование мощного слоя национальной интеллигенции и, наконец, национальной политической элиты — все это наследие советской эпохи, тот базис, благодаря которому во многом стало возможным успешное противодействие политике постсоветской Грузии и построение независимого абхазского государства.

* * *

Советское нациестроительство в Абхазии проводилось в рамках двух основных парадигм. В процессе реализации первой парадигмы — при проведении первичной гомогенизации грузинской социалистической нации — гетероморфное картвельское население Абхазии (с мингрельской доминантой) было административно слито в единую этническую единицу. Параллельно с формальной консолидацией картвельского континуума были созданы условия и для его форсированной культурной гомогенизации, которая по объективным причинам не могла быть завершена в краткие сроки. Проводилось упорядочение и сокращение количества этностатистических категорий, в результате чего в Абхазии “самурзаканский вопрос” был решен путем включения сильно ассимилированных мингрелами, но еще сохранявших этническую идентичность абхазов Самурзакана в состав грузинской этнонации. Параллельно шел процесс формирования абхазской нации (уже без самурзаканцев) как титульной сначала в пределах договорной ССР Абхазия, а позже — Абхазской АССР.

В конце 1930-х годов на смену первой парадигме нациестроительства пришла вторая, подразумевавшая дальнейшую национальную гомогенизацию Грузинской ССР — теперь уже за счет включения абхазов в состав грузинской нации. Вплоть до середины 1950-х годов грузинское республиканское руководство реализовывало многоаспектную стратегию ассимиляции абхазского этноса, замедлившуюся с изменением политической конъюнктуры после смерти Сталина. С середины 1950-х годов в Абхазии начался откат к первой парадигме нациестроительства.

Общий вектор этнополитического развития современного абхазского государства и институциональные механизмы дальнейшего упорядочения этничности как одной из значимых характеристик личности были predetermined советским нациестроительством. Его алгоритмы продолжают оказывать существенное влияние на идентичность жителей Абхазии. В то же время формализованная этничность, продолжая оставаться важным атрибутом повседневной жизни, не способна в полной мере отразить сложность и многоуровневость идентичности отдельных лиц и групп населения Абхазии.

Примечания

¹ В дореволюционное время в русском языке употреблялись только две формы данного этнонима: *мингрел* и *мингрелец*. Начиная с 1920-х годов в СССР многие старые (часто уничижительные) этнонимы были заменены на самоназвания, но в случае с мингрелами в русский язык была внедрена грузинская форма *мегрел*, а не эндоэтноним *маргаль*. Мы допускаем, что подобное исключение могло быть связано с лоббированием этого вопроса грузинским партийным и республиканским руководством, однако документальных подтверждений у нас не имеется. Таким образом, в советское время в литературном русском языке наиболее часто употреблялась форма *мегрел*. В большинстве языков Западной Европы основной до сих пор

остается форма *mingrel*. Академические словари современного русского языка допускают употребление обеих форм (*мегрел* и *мингрел*), при этом указывается, что второй вариант – устаревший. В российском кавказоведении конца XX – начала XXI в., как и в советский период, чаще всего употребляется вариант *мегрел*, однако отдельные исследователи используют форму *мингрел*, что, на наш взгляд, вполне обоснованно, учитывая неоднозначность условий внедрения формы *мегрел* в литературный русский язык.

Источники и материалы

- Всесоюзная перепись 1929 – Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV: Закавказская СФСР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1929.
- Делба* 1951 – *Делба М.К.* К вопросу изучения языка и истории абхазов. Сухуми: издание АБ-ГИЗа, 1951.
- Дондуа* 1934 – *Дондуа К.* Мегрельская литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1934. С. 76–77.
- Закон б.г. – Закон Республики Абхазия “О гражданстве Республики Абхазия” // Посольство Республики Абхазия в Российской Федерации. http://www.emb-abkhazia.ru/konsulskie_voprosy/zakon_j (дата обращения: 14.01.2021).
- Итоги 2012 – Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. Сухум, 2012.
- Климов* 1973 – *Климов Г.А.* Картвельские языки // Большая советская энциклопедия. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1973.
- Населенные пункты 1991 – Населенные пункты и население Грузии (по данным Всесоюзной переписи 1989 года). Статистический справочник. Тбилиси, 1991.
- Первая Всеобщая 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXVI: Кутаисская губерния. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905.
- РГАЭ – Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.
- Свод 1893 – Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.
- Сталин* 1954 – *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2: 1907–1913. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1954.
- Цагарели* 1880 – *Цагарели А.* Мингрельские этюды. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1880.
- Чирикба* 2015 – *Чирикба В.А.* (ред.) Конституции Абхазии. XX век. Сухум: АБИГИ, 2015.
- Шухардт* 1899 – *Шухардт Г.* О географии и статистике картвельских (южнокавказских) языков. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899.

Научная литература

- Алексеев М.Е.* (отв. ред.) Языки мира: кавказские языки. М.: Academia, 1998.
- Багапш Н.В.* Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.). Сухум: АБИГИ, 2017.
- Багапш Н.В.* Демографическая колонизация как инструмент политики национальной гомогенизации в Грузинской ССР (на примере Гудаутского района Абхазии) // Вестник антропологии. 2018. № 3. С. 4–23.
- Багапш Н.В.* Этнодемографические процессы в Гудауте (конец XIX – начало XXI вв.). Сухум: АБИГИ, 2019.
- Бигвава В.Л.* Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
- Верняев И.И.* Решение холмского вопроса: дискурсивные практики в Российской империи начала XX в. // Русин. 2018. № 53. С. 97–114.
- Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Т. 2. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1982.
- Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982.
- Кузнецова Р.Ш.* Быть абхазом (выбор этничности) // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Вып. 1 / Отв. ред. Н.И. Кирей, И.В. Колесов, И.В. Кузнецов, И.И. Марченко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 89–106.

- Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми: Алашара, 1990.
- Лежава Г.П. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.). М., 1997.
- Новиков В.В. Абхазский государственный проект в 1918–1921 гг.: предпосылки и попытки реализации // Кавказский сборник. Т. 12 / Под ред. В.В. Дегоева. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 57–76.
- Пачулия В.М. Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сухум: АБИГИ, 2015.
- Смирнова Я.С. Этнографические мотивы в произведениях абхазских писателей // Советская этнография. 1951. № 1. С. 203–208.
- Соловьёва Л.Т. Субэтноним самурзаканцы: возникновение, история, современность // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 3. С. 27–34.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Фойерштайн В. Критика соавтора // Грузия в пути. Тени сталинизма / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Д. Мюллер. М.: АИРО–XXI, 2017. С. 454–482.
- Хашба А.К. Избранные работы. Сухуми: Алашара, 1972.
- Юнге М., Бонвеч Б. Большевицкий порядок в Грузии. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике. М.: АИРО–XXI, 2015.
- Blauvelt T. The “Mingrelian Question”: Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy // Europe Asia Studies. 2014. Vol. 6. P. 993–1013. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.906934>
- Harris A. (ed.) The Indigenous Languages of the Caucasus. Vol. 1: The Kartvelian Languages. N.Y.: Caravan Books, 1991.
- Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union (Culture and Society after Socialism). Ithaca: Cornell University Press, 2005.

Research Article

Bagapsh, N.V. Ethnic Identity in Abkhazia and the Paradigms of Its Institutionalization: From the Soviet Past to the Present [Etnicheskaia identichnost' v Abkhazii i paradigmy ee institutsionalizatsii: ot sovetskogo proshlogo k nastoiashchemu]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 5, pp. 113–129. <https://doi.org/10.31857/S086954150017418-9> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Nuri Bagapsh | <https://orcid.org/0000-0002-4799-2380> | nbagapsh@gmail.com | Abkhaz State University (1 Universitetskaya Str., Sukhum, 384900, The Republic of Abkhazia)

Keywords

Abkhazia, Abkhazians, Mingrelians, Samurzakanians, population of Abkhazia, ethnic processes, nation-building, identity, ethnic identity

Abstract

The article focuses on the aspects of nation-building and the main paradigms of the institutionalization of ethnicity in Abkhazia during the Soviet era and assesses the impact of Soviet practices of ordering ethnic categories on the modern ethnocultural and ethnopolitical landscape of the country. I examine the history of formation of the ethnic mosaic of Abkhazia, analyze the particular Abkhazian ways of solving general issues of the early Soviet nation-building, and discuss the influence of Soviet nation-building on the modern identity of various groups of Abkhazia's population. The article further assesses the impact of ethnic mixing on the shaping of identity of Abkhazia's population and explores the questions of civil nation-building and multilevel identity.

References

- Alekseev, M.E., ed. 1998. *Yazyki mira: kavkazskie yazyki* [Languages of the World: Caucasian Languages]. Moscow: Academia.
- Bagapsh, N.V. 2017. *Etnodemograficheskie protsessy v Sukhume (konets XIX – nachalo XXI vv.)* [Ethno-Demographic Processes in Sukhum (From the Late 19th to the Early 21st Century)]. Sukhum: AbIGI.
- Bagapsh, N.V. 2018. Demograficheskaia kolonizatsiia kak instrument politiki natsional'noi gomogenizatsii v Gruzinskoii SSR (na primere Gudautskogo raiona Abkhazii) [Demographic Colonization as a Tool of Politics of National Homogenization in the Georgian SSR (on the Example of Gudauta District of Abkhazia)]. *Vestnik antropologii* 3: 4–23.
- Bagapsh, N.V. 2019. *Etnodemograficheskie protsessy v Gudaute (konets XIX – nachalo XXI vv.)* [Ethno-Demographic Processes in Gudauta (From the Late 19th to the Early 21st Century)]. Sukhum: AbIGI.
- Bigvava, V.L. 1983. *Sovremennaia sel'skaia sem'ia u abkhazov* [Modern Rural Abkhazian Family]. Tbilisi: Metsniereba.
- Blauvelt, T. 2014. The “Mingrelian Question”: Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy. *Europe Asia Studies* 6: 993–1013. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.906934>
- Dzidzariia, G.A. 1982. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiiia* [Mahajirism and the Problems of the History of Abkhazia of the 19th Century]. Sukhumi: Alashara.
- Feuerstein, W. 2017. Kritika soavtora [Critique of the Co-author]. In *Gruziiia v puti. Teni stalinizma* [Georgia is on the Way: Shadows of Stalinism], edited by M. Junge, B. Bonwetsch, and M. Müller, 454–482. Moscow: AIRO–XXI.
- Geller, M., and A. Nekrich. 1982. *Utopiia u vlasti. Istoriia Sovetskogo Soiuzs s 1917 goda do nashikh dnei* [Utopia in Power: The History of the Soviet Union from 1917 to the Present]. Vol. 2. London: Overseas Publications Interchange Ltd.
- Harris, A., ed. 1991. *The Indigenous Languages of the Caucasus*. Vol. 1, *The Kartvelian Languages*. New York: Caravan Books.
- Hirsch, F. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union (Culture and Society after Socialism)*. Ithaca: Cornell University Press.
- Junge, M., and B. Bonwetsch. 2015. *Bol'shevistskii poriadok v Gruzii* [Bolshevik Order in Georgia]. Vol. 1, *Bol'shoi terror v malen'koi kavkazskoi respublike* [Great Purge in a Small Caucasian Republic]. Moscow: AIRO–XXI.
- Khashba, A.K. 1972. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Sukhumi: Alashara.
- Kuznetsova, R.S. 2013. Byt' abkhazom (vybor etnichnosti) [To Be an Abkhaz (Choosing the Ethnicity)]. In *Arkheologiia i etnografiia pontiisko-kavkazskogo regiona* [Archaeology and Ethnography of Pontic and Caucasian Area], edited by N.I. Kirei, I.V. Kolesov, I.V. Kuznetsov, and I.I. Marchenko, 1: 89–106. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet.
- Lakoba, S.Z. 1990. *Ocherki politicheskoi istorii Abkhazii* [Essays on the Political History of Abkhazia]. Sukhumi: Alashara.
- Lezhava, G.P. 1997. *Mezhdu Gruziei i Rossiei. Istoricheskie korni i sovremennye faktory abkhazogruzinskogo konflikta (XIX–XX vv.)* [Between Georgia and Russia: Historical Roots and Modern Factors of the Abkhaz-Georgian Conflict (XIX–XX Centuries)]. Moscow.
- Novikov, V.V. 2020. Abkhazskii gosudarstvennyi proekt v 1918–1921 gg.: predposylki i popytki realizatsii [Abkhazian State Project in 1918–1921: Background and Implementation Attempts]. In *Kavkazskii sbornik* [Caucasus Anthology], edited by V.V. Degoiev, 12: 57–76. Moscow: Aspekt Press.
- Pachuliia, V.M. 2015. *Abkhaziiia v Velikoi Otechestvennoi voine (1941–1945 gg.)* [Abkhazia in Great Patriotic War (1941–1945)]. Sukhum: AbIGI.
- Smirnova, Y.S. 1951. Etnograficheskie motivy v proizvedeniiakh abkhazskikh pisatelei [Ethnographic Motives in the Works of Abkhaz Writers]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 203–208.
- Solovieva, L.T. 2010. Subetnonim samurzakantsy: vzniknovenie, istoriia, sovremennost' [Subethnonym Samurzakanians: Origin, History, Modernity]. *Vestnik MGIMO Universiteta* 3: 27–34.
- Tishkov, V.A. 2003. *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos: Research on Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Verniaev, I.I. 2018. Reshenie kholmokskogo voprosa: diskursivnye praktiki v Rossiiskoi imperii nachala XX v. [The Solution to the Chelm Question: Discursive Practices in the Russian Empire in the Early 20th Century]. *Rusin* 53: 97–114.